

КРИТИКА ЗАКОННОСТИ И ПРАВОСУДИЯ ЭКСПЛУАТАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА (литературные этюды в образах права в трудах Л.Н. Толстого)

Аннотация. В статье актуализируется значение Л.Н. Толстого как общественно-политического мыслителя, тесно связанного с русским освободительным движением второй половины XIX — начала XX веков. Анализируется отношение писателя к классовой природе суда, его бездушному формализму и карательной природе по отношению к широким слоям населения. На основе обращения к литературным образам доказывается резко отрицательное отношение писателя к законности и правосудию эксплуататорского общества как инструментам принудительного навязывания воли представителей самодержавной власти всему обществу.

Ключевые слова: законность, правосудие, суд присяжных, самодержавие, адвокатура.

CRITICISM OF THE LEGALITY AND JUSTICE OF THE EXPLOITATIVE SOCIETY (literary etudes in the images of law in the works of Leo Tolstoy)

Abstract. The article highlights the importance of Leo Tolstoy not as a writer, but as a socio-political thinker closely associated with the Russian liberation movement of the second half of the 19th and early 20th centuries. The article analyzes Tolstoy's attitude to the class nature of the court, its soulless formalism and punitive nature towards the general population. Based on the appeal to literary images, Tolstoy's sharply negative attitude towards the legality and justice of an exploitative society as tools for forcibly imposing the will of representatives of autocratic power on the whole society is proved.

Keywords: legality, justice, trial by jury, autocracy, legal profession.

В России заключительный период XIX столетия отличался, наряду с различными социальными проблемами, еще и значительным ростом преступности. Развитие капиталистических отношений выражалось в разрушении традиционных основ сельской жизни. Максимальная эксплуатация крестьян

заставляла их покидать привычную среду и уходить в города, где они зачастую не могли реализовать свои способности к труду. В результате обнищавшие крестьяне были вынуждены становиться на преступный путь. Данное обстоятельство не могло не получить отрицательную, осуждающую оценку в среде наиболее образованных и прогрессивно мыслящих людей того времени. В их числе следует отметить великого писателя и общественно-политического мыслителя Льва Николаевича Толстого. Трагедия народной жизни вызывала у него непримиримый протест, что выразилось в его статьях и литературных трудах, ставших достоянием мировой культуры.

* * *

По справедливому замечанию В.В. Ячевского, обращение Л.Н. Толстого к суду и всей карательной системе как к инструментам осуществления господства над трудящимися массами имело своей целью разоблачить государственно-принудительную систему самодержавия [1, с. 131]. Лев Николаевич принадлежал к немногочисленной когорте русских писателей, в совершенстве познавших судебные порядки в России. Это объясняется тем, что он сам неоднократно исполнял процессуальные функции мирового посредника, присяжного заседателя и защитника. В частности, в 1866 году Л.Н. Толстой защищал в суде солдата Шабунина, ударившего ротного командира и приговоренного военно-полевым судом к наказанию в виде смертной казни [2, с. 58–63].

Благодаря активной гражданской позиции писатель познакомился со многими выдающимися судебными деятелями своего времени, которые посвящали его в тонкости судебной практики. Именно доскональное знание судебных порядков позволило ему сформировать действительный образ дореволюционного суда. Этот образ имел ярко выраженный отрицательный подтекст, что объяснимо ввиду уже упомянутых конкретно-исторических особенностей жизни российского общества.

Классово асоциальная сущность суда того времени виделась ему в том, что основная задача правосудия заключалась в скрывании грабежа народа под видом законности. Это убеждение не пошатнуло и судебная реформа 1864 года, которая предопределила появление в нашей стране суда присяжных. В.И. Ленин, положительно оценивая данный институт, полагал, что именно влияние общественной жизни и рост политического сознания подводит суд до той истины, что решающую роль в борьбе с преступностью играет не применение отдельных наказаний, а совершенствование общественных и политических учреждений [1, с. 132]. Однако общественно-политические реалии жизни общества нивелировали сущностное назначение и гуманистическую природу суда присяжных.

В.И. Ленин констатировал, что судебная система в России по-прежнему исполняет функцию инструмента беспощадного подавления

эксплуатируемого народа в интересах «денежного мешка» [3, с. 32]. Данное обстоятельство не мешало либеральным деятелям и правоведам преподнести суд присяжных обществу как значимую демократическую ценность, гарантирующую личную свободу, справедливость и равенство при отправлении правосудия [4, с. 19]. Со своей стороны отметим, что подобно формальному упразднению крепостного права, так и не предоставившего крестьянам личной свободы, введение суда присяжных было призвано служить не улучшению положения дел в стране, а тому, чтобы успокоить людей, создав у них иллюзию защиты их прав и свобод.

Толстой уличал господствующие классы и верховную власть, считая, что они лишь имитируют наличие в стране справедливого, открытого и равного для всех суда. Действительность была такова, что природа и предназначение суда превращали его в атрибут деспотического государства, угнетающего людей настолько, насколько это соответствовало интересам обладателей верховной власти в государстве [1, с. 133]. Такое положение дел обусловило стремление автора «Войны и мира» высветить пороки «царского суда» и несостоятельность суда присяжных в жанре художественной литературы.

* * *

Несомненный интерес в этом контексте представляет собой роман «Воскресение», в котором посредством главного персонажа — своего классового собрата князя Нехлюдова — писатель идентифицирует современный ему суд с административным орудием, поддерживающим выгодный правящему сословию порядок вещей. Не вызывает сомнения, что в данном случае речь идет о помещичье-дворянском сословии, которое Лев Николаевич оценивал резко отрицательно.

Сюжетом для романа выступило реальное уголовное дело, ставшее известным писателю благодаря судебному деятелю того времени А.Ф. Кони [5, с. 474–480; 6, с. 3–10]. В своем произведении Толстой категорично обличает невыносимые условия заключения и содержания под стражей людей, которые считались преступниками вследствие политики царизма. Данное описание эксплуататорского общества в жанре художественной литературы наглядно свидетельствует о гуманистической природе взглядов Толстого. Тем не менее его литературные этюды не являются чем-то отвлеченным или абстрактным, — они основываются на наблюдаемых им самим несовершенствах общественно-политического и правового строя.

Характеризуя этот литературный шедевр с точки зрения ярко выраженной роли суда как орудия господствующего класса, И.Т. Голяков вполне обоснованно сравнивал роман «Воскресение» с выдающимся юридическим исследованием, усиленным наглядностью литературных образов [7, с. 199]. Действительно, в романе представлено предельно реалистичное описание суда и всей судебной системы дореволюционной России. Главный герой

произведения Нехлюдов преодолевает все инстанции судебной системы царской России, начиная с окружного суда присяжных, осудившего невинную в совершении убийства Маслову к каторжным работам, и заканчивая Сенатом — высшей судебной инстанцией страны, оставившей в силе этот незаконный и несправедливый приговор. Данное обстоятельство ярко выражало порочный характер тогдашней судебной системы.

Особый акцент в романе делается на суде присяжных. обстоятельно и детально писатель воспроизводит судебный процесс по делу Масловой, который по своей сути является полным антиподом справедливого и демократичного рассмотрения дела. Классовая природа суда ярко проиллюстрирована составом коллегии присяжных заседателей, рассматривающих дело Масловой: статский советник И.М. Никифоров, отставной полковник Иван Семенович Иванов, купец второй гильдии Петр Баклашов, гвардии поручик князь Дмитрий Нехлюдов и так далее. В современных условиях это бы называлось тенденциозностью состава коллегии присяжных заседателей и явилось бы основанием для его роспуска. В те времена это было естественным положением вещей.

Толстой скептически оценивает роль присяжных заседателей в рассмотрении дела Масловой. Все их права, разъясненные в начале судебного заседания председательствующим, «состояли в том, что они могут спрашивать подсудимых через председателя, могут иметь карандаш и бумагу и могут осматривать вещественные доказательства». Обязанность же их заключалась «в том, чтобы они судили не ложно, а справедливо» [1, с. 134]. Подобным образом писатель раскрывал сущность предельного формализма судопроизводства. Он категорически осуждал тот факт, что суд занимается не разрешением дела по существу, а препятствует достижению истины. Именно такая атмосфера безнадежности в зале суда способствовала полному равнодушию и безответственности представителей царской власти.

Лев Николаевич описывал и другое рассматриваемое в суде дело о краже из сарая старых половиков, пафосно квалифицированном в качестве «кражи со взломом». Один из двух подсудимых по этому делу, по словам Толстого, уже умер в тюрьме, другой под конвоем предавался осуждению во благо того, чтобы оградить общество от подобных «преступников». Писатель изобличал фальшь имитации правосудия. Даже сам потерпевший заявляет: «И пропади они пропадом, эти самые половики, они мне и вовсе не нужны». Тем временем судебный процесс идет своим порядком, а товарищ прокурора обосновывает необходимость назначения самого сурового наказания за совершение кражи со взломом [1, с. 135]. Из описанных и некоторых других воспоминаний Толстого становится очевидно, что суд в царской России представлял собой вовсе не «достижение культуры», о котором писали либералы, а пережиток феодализма, то есть средневековый суд, которому чуждо стремление к установлению истины.

* * *

В незавершенной статье «Новый суд в его приложении» Л.Н. Толстой резко отрицательно характеризовал деловые качества судей, подчеркивая присущие им низкий культурный уровень и взяточничество. Его непримиримая критика нравственной ограниченности и продажности судей нашла свое выражение и в таких произведениях, как «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», «Живой труп». Как выше было сказано, в романе «Воскресение» писатель и мыслитель наглядно показал полнейшее равнодушие судей, рассматривающих дело Масловой. Председательствующий по делу судья сугубо формально относился к рассматриваемому делу и беспокоился лишь о предстоящем свидании с очередной любовницей. Он задавал вопросы подсудимой вежливо и тактично, не слушая ее ответы, то есть стремился как можно быстрее осудить Маслову, то есть формально исполнить свой профессиональный долг.

Подобным образом вел себя и прокурор, который накануне судебного процесса развлекался в компании друзей, завершив свои ночные похождения в публичном доме, где полгода назад была Маслова. Даже не ознакомившись с делом, он, руководствуясь карьеристскими соображениями, принимает решение добиться для нее обвинительного приговора. Его обвинительная речь строится не на изложении обстоятельств дела, а на пространных и псевдонаучных теориях, якобы доказывающих вину подсудимой. Подобные аморальные образы блюстителей дореволюционной законности встречаются и в других произведениях.

* * *

В драме «Живой труп» фигурирует судебный следователь, расследующий дело о мнимом самоубийстве Федора Протасова, который допрашивает жену последнего. Отчетливо осознавая неосведомленность жены о том, что гибель ее мужа — лишь симуляция самоубийства, следователь проявляет полное равнодушие к установлению истинных причин этой сложной жизненной драмы. Он оценивает людей и их поступки сугубо формально.

Не меньше авторских критических стрел у Льва Николаевича было и в сторону адвокатуры. Он критиковал адвокатов за непомерную меркантильность, которая делает их услуги недоступными для неимущих слоев населения. За солидный гонорар адвокат готов совершить любые безнравственные, и даже противоправные поступки для оправдания своего клиента. Алчность адвокатов — это та закономерность, которая наглядно иллюстрируется в художественных образах Толстого. Так, в романе «Воскресение» показан адвокат Фанарин, готовый на все за «дурашные» деньги, то есть за взятку. В романе «Анна Каренина» упоминается «знаменитый петербургский адвокат», абсолютно равнодушный к судьбам людей, которые не могли обеспечить ему «выгодный заказ».

Писатель особо бичевал неизменно лояльное отношение царского суда к высокопоставленным правонарушителям и беспощадность по отношению к простому народу. В 1900 году промышленник С.И. Мамонтов, обвиненный в крупных растратах и подлогах, был оправдан судом. Толстой отмечал, что суд того времени оправдывал человека, растратившего двенадцать миллионов рублей, но осуждает несчастного человека, укравшего какую-нибудь мелочь [8, с. 64]. Несоизмеримость преступления и наказания выступала своеобразным индикатором непримиримой критики дореволюционного суда. Именно эта несоизмеримость дискредитировала роль правосудия в жизни общества.

* * *

В своих художественных образах Толстой часто рисовал трагедии простых людей, подвергшихся судебному произволу и беззаконию. В том же романе «Воскресение» Нехлюдов после посещения дома предварительного заключения неожиданно для самого себя осознает, что большинство из содержащихся там людей ни в чем не повинны. Они, по мнению Нехлюдова, могут быть сгруппированы в пять разрядов: ставшие жертвами судебных ошибок, а потому невиновные; осужденные за поступки, совершенные в исключительных обстоятельствах; наказанные за то, что они совершили, по их понятиям, самые обыкновенные и даже хорошие поступки, которые в восприятии законодателей считаются преступлениями; потому только зачисленные в преступники, что стояли нравственно выше среднего уровня общества; люди, перед которыми общество было гораздо больше виновато, чем они перед обществом [1, с. 140]. Такова суровая, но реалистичная оценка правосудия дореволюционной России.

Вполне объяснимо, что в адрес писателя звучало немало критики. Реакционные круги восприняли его роман «Воскресение» как «последовательно проведенную насмешку над современным судом» [9, с. 6]. Либералы же, стремясь доказать тенденциозность и односторонность его взглядов, утверждали, что в этом вопросе он руководствовался евангельским правилом «не судите, да не судимы будете», и потому «не может не считать всякую судебную деятельность аномалией, противоречием истинной правде» [10, с. 382]. Можно отчасти согласиться с тем, что отрицательное отношение Толстого к суду и судебной системе в целом было продиктовано его консервативными взглядами. А.С. Гольденвейзер справедливо отмечал реалистичность и живые черты изображенной Толстым картины суда [11, с. 22]. С этой точкой зрения трудно не согласиться.

* * *

Как в своих статьях, так и письмах, написанных царю, Л.Н. Толстой постоянно протестовал против произвола и беззакония правящих классов. Например, в 1901 году под впечатлением расправы царского правительства

с демонстрацией в Петербурге он написал свое гневное письмо «Царю и его помощникам». Констатируя вопиющий произвол, он потребовал от царского правительства немедленного упразднения земских начальников, которые чинили произвол в отношении крестьянского населения. Как известно, закон от 14 июля 1889 года учредил институт земских начальников. Этот закон ликвидировал мировой суд, избиравшийся на основании судебных уставов 1864 года органами местного самоуправления, заменив его земскими начальниками, назначаемыми правительственными органами из числа дворян. По сути дела, была установлена неограниченная власть дворянина-помещика над крестьянским миром, сосредоточившая в его руках и административные, и судебные функции.

Вне всяких сомнений, Толстой осознавал наивность надежд на воздействие в духе христианской любви на «правительственных людей» с тем, чтобы они отказались от жестокости и насилия, с помощью которых оберегалась власть. Однако это обстоятельство не умаляет значения его обращений и содержащейся в них смелой критики царской юстиции и совершаемых ею преступлений.

В 1908 году вышла в свет его знаменитая работа «Не могу молчать», в которой с предельной публицистической страстностью выражается бескомпромиссный протест против насилия и беззаконий царизма. Вышедшая в России и перепечатанная многими зарубежными газетами статья произвела неизгладимое впечатление на всю прогрессивную мировую общественность благодаря своей неподдельной искренности и смелости в изобличении противоправной и антинародной сущности эксплуататорской власти. Таким образом, на основе использования образов художественной литературы, личного опыта и богатого фактологического материала Толстому удалось представить аргументированную критику законности и правосудия как инструментов антинародного эксплуататорского общества.

* * *

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующие выводы:

- отношение Толстого к законности и правосудию формировалось в конкретно-исторических условиях обнищания широких слоев населения, роста преступности и подавления народного недовольства с помощью карательного аппарата самодержавия;
- Толстой на собственном опыте познал судебные порядки своего времени, что было продиктовано его активной гражданской позицией;
- введение суда присяжных не изменило карательно-репрессивную сущность судебной системы, а лишь способствовало созданию иллюзии защиты прав и законных интересов народных масс;
- главными пороками современного Толстому судопроизводства следует признать бездушный формализм, равнодушное отношение к судьбе подсудимых, а в ряде случаев и имитацию правосудия;

– Толстой акцентирует внимание на том, что царский суд принципиально по-разному относится к людям из разных сословий, в одном случае оправдывая виновного в миллионных хищениях, а в другом — назначает лишение свободы за мелкое правонарушение;

– идеи Толстого встретили резкий протест со стороны реакционных кругов, представители которых всеми силами и средствами пытались сохранить положение дел в стране.

Напоследок добавим, что литературные шедевры Л.Н. Толстого в художественной форме затрагивают многие юридически значимые вопросы, внося свой вклад в развитие отечественной политико-правовой мысли.

Список литературы

1. Ячевский В.В. Общественно-политические и правовые взгляды Л.Н. Толстого. Воронеж, 1983. 167 с.
2. Чангули Г. Дело солдата Шабунина // Человек и закон. 1973. № 3.
3. Бондарев Д.А. Толстой и современность. Л., 1928. 96 с.
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902. 464 с.
5. Кони А.Ф. Собр. соч. в 8-ми т. М., 1968, Т. 6. 695 с.
6. Жданов В.А. Творческая история романа Л.Н. Толстого «Воскресение». М., 1960. 450 с.
7. Голяков И.Т. Суд и законность в художественной литературе. М., 1959. 360 с.
8. Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959. 517 с.
9. Журнал министерства юстиции. Санкт-Петербург: Тип. Правительствующего сената. 1899. № 8. 346 с.
10. Вестник Европы. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1899. № 7. 476 с.
11. Гольденвейзер А.С. Преступление — как наказание, а наказание — как преступление: (Мотивы толстов. «Воскресения»). Киев: изд. товарищей в ознаменование 35-летнего юбилея адвокат. деятельности авт., 1911. 75 с.